

Как я решила умереть от счастья

Автор:

[Софи де Вильнуази](#)

Как я решила умереть от счастья

Софи де Вильнуази

Вкус к жизни

Сильви Шабер – плоская сутулая брюнетка, которая не настолько уродлива, чтоб ее жалели, и не настолько хороша, чтоб ее желали. Полностью отчаявшись к сорока пяти годам устроить личную жизнь, она решила прикупить себе место на кладбище. Но раз умирать, так с музыкой – перед смертью надо с кем-то об этом поговорить, и Сильви отправляется на прием к психотерапевту Франку. С тех пор ее планы идут наперекосяк: вместо того чтобы сидеть и плакать в одиночестве, женщина, выполняя задания психотерапевта, попадает в комичные ситуации, которые меняют ее взгляд на жизнь и вселяют веру в светлое будущее.

Искрометный трогательный роман о том, как безбашенные поступки напрочь срывают «крышу»... в лучшую сторону!

Софи де Вильнуази

Как я решила умереть от счастья

Sophie de Villenoisy

JOYEUX SUICIDE ET BONNE ANNEE

Серия «Вкус к жизни»

Печатается с разрешения Editions Deno?l

при содействии Lester Literary Agency

Перевод с французского Марии Заславской

Оформление обложки Яны Половцевой

© Editions Deno?l, 2016

© Заславская М., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается...

Матье, он знает.

Ангюсу и Шин, нашим сокровищам,

Валери, которая не узнает себя здесь,

Мари, моей лучшей болельщице,

которая поддерживает меня во всем.

Эрве, моему пропавшему брату,

который всегда со мной.

И наконец Татьяне де Ронэ, доброй фее этой книги.

И еще незнакомцу с набережной Сены, без которого

я никогда бы не решилась броситься в воду.

Спасибо ему.

1

Папа умер ранним утром. Лишь только зазвонил телефон, я сразу поняла, что это из больницы, и взять трубку не смогла. А зачем? И так ясно было, что они мне скажут: «Ваш отец скончался сегодня, он умер без мучений». Вот я и сирота. Впрочем, сорокапятилетних сирот никому особенно не жалко. Мне так же одиноко, как и юным сироткам, но их могут удочерить, а меня в сорок пять – вряд ли. Я просроченный товар. Вышел мой срок заводить детей, да и мужчину заводить, пожалуй, поздно.

Если бы пришлось сменить статус в Фейсбуке, написала бы, что я отныне ничья дочь. Да вдобавок ничья жена и мать. Я – просто я. Но кто же я такая?

Кто ты, Сильви Шабер?

Эмоциональная дамочка, это уж точно. В похоронном бюро я была, прямо скажем, не на высоте. Все время плакала, лепетала что-то, пускала носом пузыри. Господин агент, такой важный в своих очочках и подобающе темном костюме, наблюдал за мной с непроницаемым выражением лица. У него-то как

раз удачный день: для начала мне пришлось купить новый участок на кладбище, потому что в маминой могиле места нет, а потом я вдруг ему заявляю:

- Куплю-ка заодно еще один, для себя.

Вот тут его профессиональная маска дает легкую трещину.

- Не смотрите вы так, - говорю. - У меня нет ни мужа, ни детей, я совсем одна. Некому будет позаботиться о моем загробном благополучии.

- К чему такие мысли, мадемуазель, вы еще молоды, а жизнь полна сюрпризов!

- Да бросьте, - отвечаю я, сморкаясь, - если мне не удалось выскочить замуж в двадцать лет, в сорок пять или шестьдесят и подавно не светит.

Молчит. А молчание - знак согласия.

Достаю чековую книжку. Таких дорогих подарков я себе, любимой, еще не делала. Одни балуют себя украшениями, сеансами талассотерапии или круизами, а другие - могилками. Самый что ни на есть персональный подарок, жаль, нельзя его красиво завернуть.

Вышла я оттуда разбитая, потерянная и обедневшая почти на четыре тысячи евро! Зато приобрела уютное жилье глубиной в шесть футов, с чудесным видом на земляных червей. Лучше бы отправилась в круиз до Коста-Бравы и, если бы очень повезло, утонула где-нибудь в Сицилийском море. В этом хоть был бы своеобразный шик. Но мне не везет, и шиковать я не умею.

Даже с виду я - ни то ни се. Из зеркала на меня глядит настоящая швабра с копной сухих черных волос. И этих волос у меня столько, что даже онкология с ними бы не справилась. Я ухитрилась родиться плоской сутулой брюнеткой в наш век, когда мужчины любят пышных блондинок. Я проклята. Обречена на всеобщее безразличие. Не настолько уродлива, чтоб меня жалели, и не настолько хороша, чтоб меня желали. Я безлика, тускла, незаметна, страшновата и серовата - короче, ни один пенис не встанет на меня.

Все болит, я разбита и смята, как велик, угодивший под колеса мусоровоза. Меня порядком вымотали эти несколько недель, проведенные между работой и больницей, между моим серым ковром и стерильным линолеумом. Но теперь все позади, папы нет, и я могу, как говорят друзья, вернуться к нормальной жизни. Назад, к моим сладостным вечерам у телевизора! Суши, потом суп или тушеное мясо, потом йогурт, и спать!

Ну, что еще рассказать о себе? Я неплохо исполнила роль самоотверженной дочери у постели больного папы. Был какой-то смысл в моей жизни – пусть жалкой, но не лишенной приятного «любования». Я целиком посвятила себя отцу. Все вокруг волновались, не слишком ли я устала: «Ты отдыхаешь хоть иногда? Побереги себя, так нельзя, ты совсем в отце растворилась!»

Теперь я поблекшая одиночка на пороге климакса, и мне больше некому себя посвящать. И никто не спросит: «Ты занимаешься сексом хоть иногда? Без этого нельзя, ты совсем в себе замкнулась!»

Какая же я одинокая! Одинокая, никем не понятая. И убогая.

– Завела бы собаку, – предложила мне Вероник. – Ты ее полюбишь, и вообще, рядом будет кто-то живой.

А почему не крысу? Я непременно ее полюблю, живая же. Таким, как я, любая живность будет отличной компанией.

– Или, может, ребеночка усыновишь? Какого-нибудь из Африки. Больных СПИДом теперь отдают даже незамужним. Появятся новые заботы, это тебя отвлечет...

– И опять же, кто-то живой рядом, да? – подхватила я. Она не уловила сарказма.

Вероник как никто умеет меня утешить. При всей моей любви к ней достаточно мне провести в ее обществе несколько часов и уже хочется прыгнуть под поезд. Что на самом деле не такая нелепая мысль. Она все чаще приходит мне в голову и гнездится там, в уголке, словно маленькая грелка – теплая и ободряющая. Конечно, я не испытываю безумного желания броситься на рельсы в метро, этот путь не для трусих и неженочек вроде меня. К тому же с моим-то везением я могу уцелеть и под поездом! Разве что останусь без ног и поползу по жизни дальше. Я просто не умею добиваться своего.

Зато проглотить снотворного побольше и улечься в кровать... почему бы и нет? Очень заманчиво.

Порой мне кажется, что я уже умерла. Внутри пустота. Тело шевелится, сердце бьется, а душа улетучилась. Как будто я выключила лампу или выбило пробки – и свет в глазах потух. Рак-отшельник покинул свою раковину. Чем притворяться живой, лучше и не жить. Узнав, что мне в наследство досталось пятьсот тысяч евро, я не испытала абсолютно ничего. Впрочем, нет, не совсем так. Мне стало еще тяжелее. Куча денег копилась на протяжении целой жизни, но какая это была жизнь? Мои родители могли быть счастливы, могли путешествовать, ездить в отпуск на море или в пустыню, в Китай, в Монголию, в Тунис и в Хорватию, кататься на воздушном шаре, на верблюде или на лыжах. Могли смаковать деликатесы, купаться в цветах, проводить выходные на природе или вдруг срываться из дома в воскресенье, потому что захотелось им на солнышке пообедать мидиями в сливочном соусе. Но папа вместо этого экономил, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом. Как каторжане подсыпают по кучке камней в свою гору булыжников, так копил деньги мой отец. Что сказать – мне от этого просто дурно. Нет никакого желания ни тратить деньги, ни даже радоваться им. Говорят, деньги не пахнут, но это неправда. От папиных денег несет плесенью. Затхлый и грустный запах. Он не будит мечты, не приносит никакой надежды. Возможно, Вероник права и мне стоит сходить к психоаналитику. Вот она обрадуется! Ну, или, по крайней мере, перестанет присылать мне объявления с фотографиями брошенных собак, все хуже и плешивее с каждым разом. Можно подумать, я намного счастливее их.

2

Я просыпаюсь. На дворе чудесный октябрьский денек. Разумеется, это воскресенье будет таким же одиноким, как и остальные. Почти все вокруг страдают от так называемой «воскресной хандры»: им жаль, что выходные кончаются, им охота понежиться подольше, как цыплятам в скорлупе, им не хватило веселого смеха, семейных прогулок, объятий под одеялом и посиделок с друзьями. А я жду не дождусь понедельника, чтобы выплыть из этой глухой тишины. Но нынче такая хорошая погода и так редки в Париже солнечные дни, что я не могу сдержать улыбку. И даже решаюсь выйти подышать воздухом. Погуляю немного по набережным, а то и в кино схожу, отчего бы нет? Когда

живешь одна, очень важно составлять себе четкий план, даже такой вот банальный. По пути куплю круассан и избавлю себя от глупой церемонии погружения одной тарелки и одной чашки в посудомоечную машину. Мне ведь ее целую неделю надо наполнять, да и то я жульничаю – запускаю полупустой.

И вот бреду я вдоль канала, среди таких же отдыхающих: одни отдыхают от рабочей недели, другие – от своих младенцев, которые уgomонились наконец и сопят в своих колясках, хорошенько укутанные. Народа у Сены не так много, можно не спешить и даже замереть на солнце, погреться минут пять. Небольшая светотерапия мне не повредит... Но внезапно раздается крик. Кричит девушка, показывая пальцем на воду. Что такое, истеричка уронила в реку кошелек? Нет, судя по ужасу в ее воплях, дело куда серьезнее. И тут я вижу в волнах темный силуэт. Тело безвольно дрейфует спиной вверх – словно бревно, только это не бревно, а человек. Люди на набережной кудахчут, что твои куры. Девушка продолжает вопить в пустоту и мечется с телефоном в руке, вокруг нее уже собралась маленькая толпа и поддержала ее крики, а я гляжу на них, тоже хочу закричать, а не могу издать ни звука. Будто мне горло пробкой заткнули. Так и застыла с разинутым ртом, ни дать ни взять рыба в аквариуме. Меня прямо парализовало. Внутри все дрожит, сердце бешено колотится, но пошевелиться я не в силах, как под местным наркозом. А между тем в канале плавает самое настоящее тело. Эта бездвижная фигура, поплавок из плоти и крови, завораживает меня. Она кажется такой тихой, спокойной, едва ли не умиротворенной. И вдруг та самая девушка без предупреждения прыгает в воду. В шесть гребков она доплывает до утопленника, переворачивает его, он не реагирует... Мертв? Подхожу к толпе, какой-то мужчина уже вытягивает тело на берег, девушку тянут вслед за ним. Она дрожит в мокрой одежде, а я, сама не знаю, зачем, задаю ей дурацкий вопрос:

– Вы спасатель?

– Да что вы! – отвечает она, стуча зубами. – Со мной такое в первый раз.

И сама, похоже, себе удивляется. Лежащего на земле мужчину энергично трясут, в ритме этой тряски он раз за разом выплевывает воду, начиная постепенно приходить в себя.

Тогда маленькая толпа дружно аплодирует героине: «Браво! Какая вы молодец! И какое счастье, что вы тут оказались!» Люди радуются этой победе над смертью, ведь не будь здесь этой девушки, он бы так и погиб в нескольких

метрах от нас. А в мою потрясенную голову неожиданно приходит мысль: почему никто не аплодирует утопленнику? Мне бы его храбрость, я тоже бросилась бы в воду. Я, как и он, хочу умереть. Эта мысль стала для меня озарением, прозрением и огромным облегчением. Я. Хочу. Умереть. По-настоящему. И не через пять-десять лет, а сейчас.

Я поворачиваю к дому, не приходя в себя от шока. В голове бурлит. Да, я хочу умереть, но надо бы сперва обсудить это с кем-нибудь. Только не с Вероник, иначе наш разговор рискует стать последним не для меня, а для нее. Однако она моя самая близкая подруга, и я не представляю, кому еще могла бы довериться. Я жажду смерти и хочу об этом рассказать, облегчить душу. Хочу, чтобы меня услышали и поддержали в моем правильном решении.

Дома открываю справочник. Как же подобрать нужного специалиста? К кому идут в таких случаях? Есть масса вариантов – психотерапевты, психиатры, психоаналитики, психологи... есть даже зоопсихологи, но это уж чересчур. Передо мной открывается целый мир разнообразных терапий, и я теряюсь. Ладно, будем выбирать по имени и адресу. Сначала отмечаем женщин: для последнего разговора по душам я предпочту все-таки мужскую душу. Вот, как раз есть психоаналитик подходящего пола совсем недалеко от меня. Франк Маршан. А что, Франк – это неплохо. Ребенком я даже в одного Франка была влюблена. Пусть будет Франк!

3

– Чем я могу вам помочь, Сильви?

Франк сидит, скрестив ноги в черных джинсах, и смотрит мне в глаза. Рубашка-поло облегает его мускулы чуть плотнее, чем следовало бы: видно, он гордится своим телом. И не зря. К тому же он сохранил приличную шевелюру для его лет, а ведь по нынешним временам пышноволосый мужчина – очень редкая особь, на грани исчезновения. Приятно, что у моего психотерапевта такие шелковистые волосы. Он явно заботится о них; надеюсь, и мне перепадет хоть малая толика такой заботы. Его очки в черепаховой оправе как-то успокаивают, ставят некий барьер между мной и его сексуальностью. Поэтому лежать рядом с ним скорее приятно, чем волнительно. То есть не рядом, конечно, а перед ним – на кушетке.

- Если честно, то особенно ничем.

- Хорошо, тогда зачем вы пришли?

- Видите ли, я собралась покончить с собой. Вот и пришла, ну, знаете... просто чтобы кто-то...

- ...чтобы кто-то вас поддержал?

- Именно.

Он улыбается, словно мы болтаем о пустяках. Не знаю, может, психологов специально учат сохранять спокойствие в любых ситуациях, но ясно, что этот – настоящий профи. Удачно я к нему зашла. Гляжу на него и думаю, что не лечить меня надо, а вздрючить хорошенько. И сразу все пройдет.

- Давно вы задумались о самоубийстве?

- Наверное, я всю жизнь вынашивала эту мысль. Но недавно мне было нечто вроде откровения.

- Что вы подразумеваете под откровением?

- Нет, не пугайтесь, я не говорила с Пресвятой Девой, у меня не было галлюцинаций, просто что-то в голове перещелкнуло. Я стала свидетелем одного события, не буду вдаваться в детали, скажу только, что получила хорошую встряску, и с тех пор мне гораздо легче. Как будто я наконец выход нашла.

- Ну, я вижу, сомнений у вас нет. Когда вы намерены перейти к действию?

- Я еще не назначила точную дату, но рождественские праздники вполне подошли бы.

- Вам так ненавистно Рождество?

– Я всегда была одна. У меня нет ни мужа, ни детей, ни сестер, ни братьев, мама умерла четыре года назад, и вот уже несколько недель со мной нет папы. Я устала от одиночества. Так что Рождество – не самый любимый мой праздник, да.

– Вы работаете?

– Да, юристом в одной фирме.

– Хорошо. Вам это нравится?

– Не знаю. Никогда не задавалась таким вопросом.

– Но вы можете сказать, что работа хоть как-то стимулирует вас?

– Она довольно рутинная, техническая, но в целом – да. Скажем так, она мне подходит.

– У вас есть друзья, коллеги?

– Друзья есть, хоть и немного. Но они мне советуют собаку завести, вы представляете? Они просто не понимают. Никто не понимает вообще. Я хочу умереть, вот и все.

– Мы все умрем рано или поздно.

До чего же он сексуально склоняет голову набок! У него уже пробивается седина, но ему идет. Несправедливо: он примерно моих лет, и то, что старит меня, его делает еще более соблазнительным. В его морщинках море обаяния, в моих – лишь тоска. Его седые волосы подчеркивают синеву глаз, мои отросшие корни выдают возраст. У него мускулы, у меня анемия. Мужчиной я была бы сейчас в самом соку. Но вот беда – я всего лишь женщина.

– Конечно, умрем, но я хочу сама выбрать, когда и как. Вот это меня и привлекает в самоубийстве: я решаю сама. Боюсь, я не так уж много решений приняла в жизни и хочу, по крайней мере, распорядиться своей смертью. Пусть это абсурдная мысль, но она меня согревает.

- Что ж, тогда, может, запланируем ваше самоубийство на двадцать пятое декабря?

- Ну... да, двадцать пятое годится.

- Время?

- Ох... не знаю... Хороший вопрос. Я даже и не задумывалась. Пожалуй, после обеда, чтобы завершить земной путь на вкусной нотке, как по-вашему?

- В два часа дня? Или в четыре?

- Скажем, где-то между половиной третьего и половиной пятого.

- Хорошо. У нас остается чуть более двух месяцев. Я вам предлагаю с этого момента навещать меня раз в неделю, и двадцать пятого декабря, если все пойдет по плану, между половиной третьего и половиной пятого вы покончите с собой. Ну как, устроит вас такой план, Сильви?

И глядит на меня безо всякого смущения, будто назначает какую-нибудь колоноскопию.

- Ладно, договорились. Хотя, вы уж простите, я несколько удивлена...

- Чем же? - Он снова склоняет голову набок.

- Вы и не пытались меня отговорить. А как же статья за оставление в опасности и все такое?

- С чего бы мне вас отговаривать? Вы разве чувствуете какую-то опасность?

- Отнюдь.

- И вы хотите умереть, не так ли?

– Хочу.

– Значит, решено. А раз так, хорошо бы вам, пока есть время, побольше узнать о себе. Итак, вы будете выполнять по одному домашнему заданию перед каждой встречей со мной. Терять-то вам все равно нечего, да, Сильви? На этой неделе вы должны совершить что-нибудь необычное, что вам не свойственно – абсолютно не в вашем духе. Вот вы, например, стеснительны?

– Крайне.

– Тогда сделайте то, что вгонит вас в краску.

– Чего же вы от меня хотите? Чтоб я вышла голой погулять?

– Лично я ничего не хочу, решать вам. До встречи через неделю, Сильви.

Он вежливо, с улыбкой, выставляет меня за дверь.

Сказать по правде, я немало ошарашена. Совсем не такого ожидала. Впрочем, я вообще не знала, чего ждать, но уж этого точно не могла себе представить. Получилось как-то неинтересно даже. Ну, значит, двадцать пятое декабря. А я-то все переживала, что мне опять нечем будет заняться на Рождество. Не пора ли заказывать памятник у моего похоронного агента?

«Здесь покоится Сильви Шабер. 22 января 1970–25 декабря 2015 (между 14:30 и 16:30)».

Меня пробирает дрожь. Надеюсь, это не вирус. Ненавижу болеть!

4

Призадумалась я о том, что могло бы стать самым страшным ударом по стыдливости, и тут же невольно вспомнила мою ассистентку Лору. Она из тех женщин без комплексов, что весь день напролет рапортуют о своей жизни в

мельчайших подробностях: тут и газы в кишечнике мужа, и последний выпуск телешоу «Голос», и ее менструальные боли, и менопауза у свекрови – полный набор. Так вот, если не ошибаюсь, чаще всего она трещит о глубокой эпиляции. Любимая тема. По ее словам, это прямо-таки лифт на седьмое небо, не иначе. Между нами, я бы не отказалась на том небе побывать. Хоть один оргазм до двадцать пятого декабря пришелся бы мне очень кстати. Я слышала немало положительных отзывов об оргазмах, но лучше судить по собственному опыту. В любом случае, при том, что я ни разу не делала эпиляцию интимных мест, для меня будет немалым испытанием выставить свою клумбу на обозрение какой-то незнакомой тетки. Да еще и косметолога. Я-то без таблетки успокоительного даже к гинекологу не хожу, а тут – дама, посвятившая себя вырыванию чужих волос и удалению черных точек с чужих лиц... Мне уже дурно. Однако делать нечего: я прилежная ученица и всегда выполняю задания. Ни к чему огорчать Франка, раз уж он пришелся мне по сердцу. Потом, он прав, что я теряю? Ну, увидят мою «кисулю», как ее Лора называет, и ничего страшного. Кисуля! Удивительно, с какой теплотой она относится к этой части своего организма. Или это я такая бесчувственная?..

От страха я перед эпиляцией пропустила два-три «кир рояля» залпом. А поскольку я вообще не пью, тут же окосела, да и пусть. Терять-то мне нечего – вот мой новый девиз! Резко толкнула стеклянную дверь маленького салона красоты и едва не упала внутрь. Все, разумеется, немедленно повернулись посмотреть на перепугавшую их кобылу. Ладно, не получилось по-тихому проскочить.

Меня встречает Синди; так, во всяком случае, гласит ее бэйджик.

– Вам классическую эпиляцию, среднюю или глубокую?

Вот обязательно кричать об этом во все горло? Мы же с ней тут не одни. Какое дело до моих волос арабке, кошелке и бабушке, которая, несомненно, пришла избавляться от усов? Все три сидят в ряд, будто горошины в стручке, на малюсенькой скамеечке и в едином ритме листают старые журналы «Гала».

– Глубокую... – лепечу я.

Уши горят, сердце выпрыгивает – то ли спьяну, то ли со стыда, прожигающего насквозь. Синди приглашает меня втиснуться в рядок горошин. Сажусь, красная,

как рак, и сразу утыкаюсь в статью о неизвестной мне старлетке-вегетарианке, страдающей булимией. Журнал описывает ее пышные пиры с бургулем и цветной капустой. Судя по ее груди на фото, можно точно сказать, что хозяйка она – чистый продукт телевизионной реальности. То есть абсолютно чуждого мне мира. Статья переносит меня прямым ходом в мечту о пироге с козьим сыром и шпинатом на ужин... И тут меня зовет Синди:

– Сильви, проходите, располагайтесь поудобнее.

– Мне как, раздеваться догола?

Вижу, соседки по скамье обменялись улыбочками. У меня талант задавать идиотские вопросы.

– Нет, только низ снимайте.

Ну, разумеется, верх-то ей на что? Голова кружится; боюсь, либо в обморок упаду, либо меня вырвет. Наверное, мне стало дурно от этой истории про булимию. И еще от нахального бюста Синди размера 95D. Рядом с ней я чувствую себя дряблой, старой и страшной. Стыдливо стягиваю трусы и комкаю их в правом кулаке, из последних сил стараюсь сохранять лицо. И так уже выставила себя на посмешище. Бросив взгляд вниз, на свой лобок, я ощущаю новый укол стыда: что за позорная мочалка! Я раньше не замечала, какая у меня там густая флора, прямо дерево бонсай. Омерзительные черные заросли запущены, как джунгли Амазонки. Хорошо хоть необитаемы. Я прячу глаза от Синди.

– Больно будет?

Мне трудно говорить, «кир рояль» подступает к горлу. Жалкое зрелище.

– Так вы в первый раз? – Кажется, ее это возбуждает.

Я нарвалась на садистку. Она самоутверждается посредством выдиранья волос.

Улыбаюсь, как дура.

- Что ж, не обессудьте. Тут надо много убирать.

Выдавливаю нервный смешок. И как это я забыла, что мне вообще нельзя пить?

- Не переживайте, у вас еще не худший вариант! Сначала будет неприятно, а потом притерпитесь.

- Простите, выпила немного для храбрости... Я такая трусиха!

- Раздвиньте пошире ноги.

Экзекуция пока не началась, а я уже обливаюсь потом. Должна сказать, что так называемая «поза лягушки» страшно неудобна: бедра у меня дрожат от напряжения, приводящие мышцы держатся из последних сил. Девушка, с которой мы еще десять минут назад не были знакомы и у которой нет никакого медицинского диплома, терзает мне половые губы, чтобы почище их ободрать. Я себя чувствую, как кусок говядины на столе мясника. Надо было вусмерть напиться. Во рту сухо, в висках стучит... Не припомню, чтобы хоть один мужчина видел меня когда-либо среди бела дня, раскоряченную под таким углом. Да еще при таком гадостном освещении. Глаза не открываю - лучше не усугублять.

- Аааааай!

Я ору как резаная. Это просто адская боль! Сначала обжигает - кошмар, а же там вся покроюсь волдырями! А стоит жжению чуть стихнуть, девушка сдирает с меня разом целую полосу волос! И, по-моему, вместе с кожей... Нормально - живого человека освежевать?!

Синди весело поглядывает на меня и продолжает мазать горячим воском. Смейся, палач! Ужас в том, что ей действительно смешно.

Кусаю себе руку, чтоб не переполошить криками весь квартал. Только мазохисты могут такое терпеть без общего наркоза. Подобно ведьме на костре, я в душе проклиная Франка и весь его род до седьмого колена.

- Видите, как хорошо пошло! Подтяните к себе ноги, переходим к анальной области.

Все, больше не выдержу. Меня трясет от хохота. Еще и задний проход надо выставить напоказ! Лежу, будто гигантский младенец на пеленальном столе, разве что анус мой уже не похож на нежную розочку. Что ж, светило психотерапии может мной гордиться: такому унижению я не подвергалась никогда. Главное, все это – ради какого-то дрянного эксперимента, ради испытания на стыдливость, чтоб ее! И ведь надо было остановить выбор именно на глубокой эпиляции! Учитывая, что результат подвига мне абсолютно некому предъявить!

– Ну вот, теперь все гладенько. И не так уж страшно, правда?

Сейчас упаду в обморок.

И упала. А очнувшись, увидела над собой красивого молодого человека и решила, что я наконец-то в лифте на седьмое небо. «Вазовагальный обморок», – сказал врач. Хорошо, что я не купила абонемент в этот салон садо-мазо, на пушечный выстрел к нему не подойду. Да и Синди вряд ли будет рада меня видеть: не лучшая реклама – машина «Скорой помощи» у дверей. В ней-то мне и пришлось одеваться, на радость всей бригаде, которая сегодня пополнила свою коллекцию отличным новым анекдотом. Они предлагали отвезти меня домой, но я с трудом убедила их этого не делать. Появиться у дома в такой компании будет для меня еще одной пыткой, так что я дошла сама, по стеночке. На душе гадко, внизу все гладко. Ветер свободы поддувал между ног.

Дома я первым делом махнула виски залпом, чтобы хоть немного прийти в себя от всех этих потрясений. А потом начала ржать. Ржала, как пьяная лошадь, и с души словно камень упал. Вот дура-то! Да, ничего не скажешь, испытание стыдливости удалось на славу. Она у меня прошла огонь и воду и даже вышла из берегов. Перестав хохотать, я с любопытством рассмотрела свою покрасневшую промежность, в самом деле, гладкую и нежную, как детская попка. Неожиданно меня это утешило. Будто я повстречала старого друга, с которым не виделась много лет. Выглядит непривычно, но не так уж и плохо. По крайней мере, не омерзительно. Я-то боялась, что буду похожа на тех голых кошек, но нет. Эх, жаль, никто не увидит! Может, сфотографировать и показать Франку как доказательство моего героизма? Нет, идея, мягко говоря, неудачная. Спишем ее на действие алкоголя или преждевременные эротические рефлексии. До чего же я все-таки жалкая...

- Вы можете гордиться мной!

Двое суток я сгорала от нетерпения рассказать ему о подвиге века. Неистребимый синдром отличницы, жаждущей заполучить еще одну пятерку в дневник.

- Да, и чем именно?

- Я выполнила ваше задание, испытала свою стыдливость.

- И как?

- На пять! Очень стыдно было.

- Но вам, как я вижу, приятно об этом говорить.

- Да, мне приятно, впервые могу рассказать о себе хоть что-то забавное. Был момент, когда я вас проклинала и ненавидела даже. Для меня это оказалось самым страшным кошмаром – раскорячиться с голым задом в затрапезном салончике. Я даже выпила для храбрости перед походом туда.

- В самом деле?

- Сейчас, когда уже все позади, смешно об этом вспоминать. Еще бы не смешно – такое жалкое зрелище! Им даже пришлось вызвать «Скорую», чтобы привести меня в чувство.

- Вы потеряли сознание?

- Да, выпила «кир рояль» на голодный желудок и чувствовала себя так нелепо с растопыренными в воздухе ногами, что у меня закружилась голова и я отключилась.

- Настоящее приключение!

- Да, все благодаря вам!

- Вы об этом жалеете?

- И да, и нет. Тогда мне было очень плохо, но, оглядываясь назад, я смеюсь сама над собой. Сцена-то просто уморительная, до сих пор не могу поверить, что это была я. Совсем на меня не похоже.

- Так вы и не знали, что можете быть забавной?

- Ну, скажем прямо, это не самый подходящий эпитет для меня.

- Какой же подходит вам больше?

- Даже не знаю. Мне кажется, я довольно скучная. Правильная такая. Бунтарство не в моем характере. С детства я четко выполняла все, что родители велели. Надо было слушаться, соответствовать их ожиданиям и ни в коем случае не раздражать. Потом надо было хорошо учиться по всем предметам, нравились они мне или нет. Вот сейчас говорю все это и понимаю, что ни разу не сошла с пути, на который они меня поставили. Когда я была еще маленькой, отец повесил над моей дверью плетку. Он ею так и не воспользовался, но один ее вид до смерти меня пугал. Просто пройти под ней уже было немалым испытанием, и я из кожи вон лезла, чтобы отцу не пришлось ее оттуда снять. Так и стала отличницей, лишь бы понравиться родителям. И плетка не понадобилась, я всегда знала, как надо поступать. Они постоянно твердили, что нужно хорошо учиться, потом найти хорошую работу, но никогда – о том, что нужно быть счастливой, веселиться и находить друзей. Похоже, мои родители сами не знали счастья. Не уверена, что у меня было счастливое детство. Или хоть один счастливый день.

- Ваших родителей больше нет.

Жаль, что в стоимость сеанса не входит простая ласка. Больше всего на свете я бы сейчас хотела, чтобы он покрепче обнял меня своими мускулистыми руками, и я бы тогда ощутила, что еще жива.

- Да, их нет, и я растерялась. Мне сорок пять лет, а я чувствую себя старенькой девочкой, которую забыли в магазине.

- А какой женщиной вы себя чувствуете?

- Ну... если б не боялась показаться вульгарной, сказала бы, что на таких женщин, как я, у мужчин не встает.

- Прямо ни разу? Ни у кого не вставал на вас?

Я покрываюсь краской.

- Нет, не то чтоб совсем ни у кого... Мне очень неловко, я напрасно употребила это выражение.

- Вас смущает тема эрекции? Но ведь это нормальное явление: если женщина нравится мужчине, у него встает пенис. Это можно считать лучшим комплиментом, - уверяет тот, у кого на меня не встанет никогда.

- Не сомневаюсь.

- И все же вас это смущает. Вам непривычна такая прямота?

- Именно! - Он считает меня старой девой. - Хотя у меня тоже были романы, вы не подумайте...

- Я ничего и не думаю, Сильви, я слушаю вас.

Он безумно сексуален.

- Хорошо, давайте на сегодня закончим, но я дам вам новое задание.

Молодец, быстро сообразил, что прилежная ученица не станет увиливать от заданий.

– Насколько я понял, вы послушный человек и никогда не нарушаете правил. Так вот, я вас прошу совершить какой-нибудь неприемлемый и наказуемый поступок.

– О господи, что вы меня заставите делать на сей раз?

– Я? Ничего, только вам решать. До встречи через неделю, Сильви!

Понятно, иди отсюда и выпутывайся как хочешь. А я ни разу в жизни не проехала «зайцем», ничего не стащила, никого не обогнала и даже на желтый свет не проехала! Воплощенное благоразумие. Ну вот какое преступление мне совершить?

Кажется, я всегда мечтала украсть что-нибудь в магазине. Мои подруги детства вовсю подрезали помады, игрушки, конфеты, а порой и шмотки! И потом хвастались своими трофеями, жутко гордясь собой и радуясь, что сумели так легко всех обдурить. Они были просто в эйфории после мощного выброса адреналина. А я восхищалась ими. И даже не пыталась представить себя на их месте – столь невозможно дерзкими казались их поступки. Не было у меня и сотой доли их уверенности и отваги, чтобы совершенно безнаказанно обманывать взрослых. Я бы точно попалась: не могла бы сдвинуться с места от страха, вот и все. Или нет, не все, могла бы еще описаться. Да вообще, я буквально умерла бы со стыда, не успев даже увидеть разгневанные лица родителей. И папину плетку.

Но, в самом деле, родителей уже нет на свете. А мне далеко не восемь, и я вроде бы научилась контролировать работу мочевого пузыря. В крайнем случае, можно ведь сослаться на рассеянность и заплатить, правда? Как велик соблазн! Вряд ли бывает что-то хуже глубокой эпиляции. Может, попробовать? Может, я до этого наконец доросла? И главное, в сотый раз повторяю, мне осталось-то всего полтора месяца.

Терять нечего, порадовать Франка хочется, так что я решила проявить чудеса отваги и обокрасть не какой-нибудь магазин «Монопри», а соседний, в который постоянно хожу. Знай наших!

Приду вроде как за продуктами и что-нибудь сопру. Пока не знаю что – пусть лучше инстинкт подскажет. Я, как хищник, наброшусь на самую доступную

добычу – любую пачку жвачки или коробочку «Тик-Така», что попадет на моем пути. Меня трясет заранее. Все-таки первый раз.

Ладно, это все пока теория, до практики еще нужно дойти. Что касается инстинкта, он велит мне без промедления забыть всю эту клоунаду и садиста-психотерапевта, который подавляет меня и мнет, как глину (о да, Франк, сомни меня!). Вот так же маленьким девочкам доставляет удовольствие кромсать ножницами свои куклы. Потому что унижение в паршивом салоне красоты – это еще куда ни шло, но опасность ареста – совсем другое! Сорок пять лет мне удавалось не привлекать внимания соседей, и ради чего, чтобы перед самой смертью клептоманкой прослыть? Это станет моим новым кошмаром...

В детстве меня мучил другой: будто я вдруг оказалась посреди школьного двора абсолютно голый. Ребята меня окружали, показывали пальцами и ржали при виде моей маленькой попки, дрожащей от страха и холода, как желе. А я, бедная малютка, плакала, безуспешно пытаюсь прикрыться худыми ручонками. И чем больше редела, тем сильнее дрожала попка и тем громче был хохот вокруг. Я просыпалась в холодном поту. Так вот, нынешний мой кошмар не слишком отличается от прежнего. Кровь стынет в жилах от мысли, что охранники магазина поймут меня и будут обыскивать при всех (нет ли здесь эротического подтекста?). Вместо школьников теперь на меня глазают покупатели: тычут пальцами, называют убогой, чокнутой и бесстыжей, какую не отмоешь и «Керхером». Их дети смеются мне вслед, когда меня уводят в наручниках – смущенную, раздавленную, оплеванную и осмеянную завсегдатаями «Монопри». Я пройду крестный путь, словно Доминик Стросс-Кан, только в моем скандале не будет ничего сексуального. Пора бы задуматься: а не выдает ли этот фильм-катастрофа у меня в голове подспудную жажду оказаться в центре внимания? При том, что я центрального положения нигде никогда не занимала.

Людей, вроде меня, бесцветных и невзрачных, обычно не замечают. Так что если я не заявлюсь туда в наряде активистки «Фемен», у меня будут все шансы выйти сухой из воды. Люблю находить в своих недостатках достоинства. Сейчас мне надо поглубже вдохнуть, как боксеру перед выходом на ринг, и подготовиться к битве с самой собой. Я не воровка, я всего лишь самоубийца, которая хочет определить меру своих возможностей. И это просто упражнение, практический эксперимент в рамках когнитивной психотерапии. Я глина в руках безумно сексуального садиста, я жертва психологической девиации. И никто, тем более какой-то недалекий охранник супермаркета, не помешает мне раскрыть мое Глубинное Я!

Ох, мамочки! Я пойду на это. Прерву сорокапятилетний стаж примерного поведения. Все, иду. Надеваю плащ и вперед. Главное, чтобы мысли не сковали мне тело. Прогнать их вон из головы и двигаться на автомате. Ну вот, я пошла. Только захлопнула за собой дверь, как тут же ладони вспотели, сердце заколотилось, и, кажется, я сейчас взорвусь. Интересно, как настоящие грабители успокаивают нервы? Я так скучно живу, что даже самое простенькое нарушение закона (тоже мне, подвиг – конфету стащить, с этим и младенец управится, не вылезая из коляски!) повергает меня в смятение. Я при одной мысли о правонарушении дрожу от ужаса как осиновый листочек.

Неведомая сила парализует мне ноги, но безумным напряжением воли я заставляю себя доползти до «Монопри». А дальше плыву в потоке своего страха. Опускаю голову, делаю вид, будто очень спешу, и, как всегда, прохожу в магазин, никем не замеченная. Полусонный охранник даже головы не повернул. Надо пройтись по моим любимым отделам, чтобы прийти в себя. Полки с чаем всегда действуют на меня эйфорически. Люблю подолгу разглядывать их. Есть сорта чая, которые словно уносят в далекое путешествие: аромат, яркие цвета упаковок и тонкие причудливые буквы на них завораживают, словно картонные миражи, приманки для туристов. В этом отделе меня слегка отпускает, но не настолько, чтобы я позабыла о цели визита. Глубокий вдох. Для укрепления духа воображаю, как в Рождество выпью большой стакан воды с нужной дозой снотворного. Конечно, живот и без того у меня будет раздут после праздничного торта, и глотать белые пилюли не доставит особого удовольствия, при моих-то проблемах с желудком, но я все равно сделаю это. Рука не дрогнет, рот не выплюнет, горло не отрыгнет. Затем я надену свой самый красивый купальник, погружусь в ванну и спокойно усну в теплой пене, испустив последний счастливый вздох, чтобы уже не проснуться. Эта пленительная картина придает мне мужества. Раз уж не боишься умирать, прекрати бояться жить. Хоть ненадолго. За очередной порцией вдохновения направляюсь в отдел банных принадлежностей. Не хочу умирать в облаке дешевых искусственных запахов апельсина или персика, мне нужен мягкий и успокоительный аромат для последнего пути. Мадагаскарская ваниль, например. Но хватит мечтать: прежде чем вновь потревожить бригаду «Скорой помощи», я должна выполнить все задания. Давай, Сильви! Тебе это по плечу!

Осторожно поглядываю вправо-влево. Никого. Спокойной и расслабленной, как гитарная струна, рукой я беру флакончик пены «Бурбонская ваниль» и кладу в правый карман – он падает тяжелым грузом, оттягивая подкладку. Весит, по моему, не меньше тонны и заметно деформирует прямой покрой плаща. От каждого его удара по бедру мне становится нехорошо. Такая легкая пытка. В искупление наполняю корзину самыми дорогими товарами: биокрем против морщин, антипригарная сковорода, четырехслойная туалетная бумага и в дополнение к ней, на всякий случай, сверхмощное средство для прочистки труб. Будь у меня еще место в корзине, я бы засунула туда и тостер, и электрическую кофеварку – лишь бы загладить свою вину перед богом торговли. Отпусти мне мой грех, «Монопри». За деньги, в которые мне обойдется вся эта дребедень, я бы могла купить целый склад бурбонской ванили, но у меня другая задача.

Задача такова: пройти на кассу и не описаться. И еще как-то удержаться на ватных ногах. С ужасом представляю, как меня скрутят и повалят на пол, вслед за флакончиком пены, случайно выпавшим из кармана. Нет, ни в коем случае нельзя так глупо вляпаться. Неуверенным шагом приближаюсь к кассам. Надо прийти в себя. Глубокий вдох – и, отбросив сомнения, я ныряю в алкогольный отдел. Здесь слишком людно, поэтому, быстро цапнув бутылку водки, снова укрываюсь в тихом оазисе туалетной бумаги. Вот черт, никогда я не сумею открыть эту бутылку, у нее крышка с защитой от воров. Однако чем-то же нужно успокоить нервы... Дыши, думай. Идея! С громким стуком ставлю водку посреди освежителей воздуха и убегаю в отдел чистящих средств. Не знаю, поможет ли, но пришла пора принять решительные меры. Хватаю банку допотопного пчелиного воска для чистки паркета, с грехом пополам открываю и вдыхаю полной грудью, чтобы в голову ударило. Кто-то нюхает клей или поперсы, а я – пчелиный воск. И что такого? Главное – забыть о флаконе, который хлопает меня по бедру. Я окунаюсь в любимый запах начищенного паркета, делаю еще один вдох, считаю до трех и лечу на кассу, опустив голову. А там понимаю, что мои фокусы пробудили дремавшего охранника. Он взял меня на заметку. Я начинаю задыхаться, струйки пота бегут под плащом. Мой впечатлительный мозг парализован страхом, и все извилины разом переходят в спящий режим. Зато в животе настоящая буря – ну точно, обделаюсь.

– Мадам! Мадам!

Я притворяюсь глухой. Только намертво сведенные скулы мешают мне покаянно завопить: «Простите! Простите меня, я тут ни при чем, я не хотела!» – но тело уже почти готово рухнуть наземь, чтобы упростить процесс моего задержания.

- Мадам! Минутку, мадам!

Он касается моего плеча, и я в панике чуть не роняю корзину.

- Да?

Ничего не слышу, будто рой пчел жужжит в каждом ухе и меня сейчас хватит удар.

- Вы его берете?

- Что-что? Извините, не слышу, в ушах звенит.

Я и так умираю от страха, а его африканский акцент пугает еще сильнее.

- Вы открыли банку с воском, придется ее купить!

- Что?

- Вы не поняли, что я сказал? Вам придется купить этот воск, раз вы его открыли!

- Да? Ох, простите! Он, видно, выпал у меня из корзины. Спасибо, всего доброго!

Чуть не плача, вырываю банку у него из рук и спешу на кассу. Посильнее сжимаю ягодички: похоже, четырехслойная бумага пригодится мне раньше, чем я думала.

У кассы надеваю темные очки, уже не боясь удивить окружающих. Стараюсь не думать о флаконе с пеной, который буквально обжигает мне бедро. А тут еще и кишки перекручиваются. Тяжело выдыхаю от боли.

- Наша карта есть?

- Да, но нет!

- То есть?

- Я очень спешу, мне надо скорей домой!

Кассирша-индианка невозмутимо глядит на меня.

- По карте «Монопри» у вас будет тридцать процентов скидки на некоторые товары. Вы хорошо сэкономите. Особенно на воске и сковороде.

- Да мне плевать! Плохо мне, понимаете? У меня живот болит, у меня понос, я хочу домой!

А она выдает мне улыбку во все тридцать два зуба, как в награду за славный анекдот. Одни покупатели поглядывают на меня с испугом, будто я напугала им под нос, другие хихикают, тактично отвернувшись. Поистине голгофа.

- Все-все, ладно! - смеется кассирша.

Сую ей кредитку, одновременно запихивая вещи в пакет и уронив половину на пол. Потом забираю карту и убегаю.

- Мадам, вы же половину покупок забыли!

- Неважно! - ору я, не оборачиваясь.

Выскакиваю наружу, с жадностью хватаю ртом воздух и устремляюсь к дому бегом. Только бы не нагадить в лифте, он еще никогда не ехал так медленно! Стараюсь не разжимать ягодицы и дышать ровно, глубоко, чтобы успокоить кишечную бурю. Вот так, со стиснутой задницей, я нервно копошусь ключом в замке, а пакеты бросаю у двери, огласив дом адским грохотом, но тем лучше, если он сумел заглушить мой трубный пук. Дверь наконец поддается, чтобы впустить меня и с треском захлопнуться за моей спиной. Сфинктер держится из последних сил, пока я раздеваюсь. И, о счастье - сесть на лучший в мире трон, испустить сладостный вздох и освободить организм, переполненный эмоциями! Ноги дрожат, живот извергается Ниагарским водопадом, невыносимая вонь заполняет весь туалет. Это запах моего страха. Сжав голову руками, я начинаю понимать, что меру позорного задержания в магазине исхитрилась заменить

еще большим позором и сбежать под самым курьезным предлогом из всех, что могли прийти в голову. Ирония судьбы! Сходила, видите ли, на дело. Половину покупок там оставила. Смех и слезы душат меня. Смеюсь, потому что последние минуты оказались самыми яркими в моей жизни... но довольно-таки бесславными – оттого и плачу. А еще оттого, что мне отныне заказан путь в любимый магазин. Придется все покупать по Интернету.

Проветрив хорошенько туалет и приняв душ, я позволила себе вздремнуть, чтобы потом на свежую голову подвести неутешительные итоги личностного роста. А оно, надо сказать, не наблюдается. Как была, так и осталась забитой трусливой девочкой, годы ничего не изменили. Впрочем, одно открытие мне сделать удалось: я еще глупее, чем думала.

7

– Добрый день, Сильви.

– Здравствуйте, доктор.

– Доктор? Я психотерапевт, и вы можете звать меня просто Франком.

А меня вот совсем не тянет называть его Франком. Мы с ним не друзья, тем более не любовники, и не то чтобы очень близки. Он просто мой доктор.

– Как прошла неделя?

– Ну как, ничего.

– Расскажите.

– Не уверена, что хочу и дальше познавать себя.

– Почему же это?

– Потому что я не узнаю ничего хорошего. Еще проверка на стыд оказалась, по крайней мере, забавной. Но то, что вы заставили меня сделать сейчас, было противно и очень унижительно.

– Но я ни к чему вас не принуждал, Сильви! Всего лишь предложил выйти за грань, за рамки ваших семейных устоев. Что в этом было такого унижительного?

– Все! Конечно, вы не заставляли меня воровать в магазинах, но я решила выполнить ваше задание именно так. Ведь вы же велели сделать что-нибудь недопустимое? Ну вот! И я потерпела полный крах!

– Что значит – крах?

– Это значит, что я буквально наложила в штаны – уж простите мне грубое выражение, но иначе не скажешь. Везде облажалась! На кассе устроила цирк, сама себя сделала посмешищем в магазине, куда хожу всю жизнь. Я была в панике, впервые такого страха натерпелась, и ради чего? Чтобы вынести в кармане флакон с пеной для ванны! Ну, довольны теперь?

– Я не доволен и не огорчен, а вот вы, кажется, рассержены.

– Еще бы не рассержена, да я взбешена! Бешусь оттого, что я вас послушалась и опять села в лужу, оттого, что я такая предсказуемая и не годная ни к чему! И вообще, не нужны мне все эти упражнения, и без них ясно, кто я есть – старая бездарная жопа!

Я вне себя. Так и хочется швырнуть ему в лицо вон те поганые африканские фигурки. Дико бесят их грубые морды, напоминают охранника, который меня напугал. Не пойму, с чего это все нынче походили с ума от африканского искусства? Уродство какое-то.

– И если уж совсем откровенно, думаю, мои родители сразу поняли, что я ничего из себя не представляю, ни ума нет, ни обаяния, и большое будущее мне не светит, и лучше всего для меня идти потихонечку прямой дорожкой, без шума и пыли...

– Значит, вы теперь скорее благодарны родителям?

– Не знаю, ничего уже не знаю! Мне просто не нравится то, что я вижу. И я не до такой степени мазохистка, чтобы продолжать эти сеансы унижения. Хватит с меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/de-vil-nuazi_sofi/kak-ya-reshila-umeret-ot-schast-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)